

Светлана Алешина

Шансов выжить нет

*Часть сборника
Спасатель (сборник)*

Светлана Алешина

Шансов выжить нет

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Шансов выжить нет / С. Алешина — «Научная книга», 1999

«...Генерал сделал небольшую паузу и вздохнул, прежде чем продолжить.— Теперь – твоя задача... Из российской медицинской миссии в Кайдабаде тебя, собственно, должен интересовать только один человек – Судаков Алексей Вениаминович, хирург, он же руководитель миссии. Ему пятьдесят четыре года, очень высокий, худой, лысый. Фотографии его у меня нет, но его ни с кем не спутаешь. Больше двух метров роста и абсолютно лысая голова – редкое сочетание, никаких особых примет не надо... Найдешь и... Ну, словом, поможешь ему выбраться... Теперь слушай внимательно... Я мысленно пожала плечами. Как этот генерал себе представляет – можно невнимательно слушать формулировку задачи? Или это с его стороны такой неуклюжий намек? На что?..— ...Очень важно не только найти его, – медленно, чуть ли не по слогам продолжал генерал, – но и оценить его поведение с точки зрения психологической достоверности...Он сделал паузу.— Ты меня хорошо расслышала, Николаева? ...»

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Алешина

Шансов выжить нет

Глава первая

Терпеть не могу летать в одиночестве.

Не так много я прожила на свете, чтобы иметь склонность к уединенным, сосредоточенным размышлениям. Хотя подумать-то мне было над чем... Во-первых, только что закончился важный период моей жизни – две недели назад я защитила диссертацию по психологии поведения в экстремальных условиях и уже неделю работаю в нашем тарасовском территориальном управлении МЧС.

То есть профессию я себе выбрала. Или она меня выбрала? Какая, собственно говоря, разница... Дороги, которые мы выбираем – это те дороги, которые выбирают нас. Те, по которым мы можем пройти... Во-вторых... Во-вторых или во-первых? Сергей... Стоп! Сейчас же прекрати, Оленька, ведь ты же запретила себе об этом думать...

Что же до профессии, то она, надо сказать, у меня редкая – психолог-консультант оперативной федеральной спецгруппы спасателей. Таких групп в России всего-то раз-два и обчелся, и разбросаны они по самым крупным городам – с тем расчетом, чтобы максимально сократить скорость реакции спасателей на чрезвычайное событие. Специалисты в группах классные, каждый владеет несколькими специальностями. Первая, ближайшая группа, прибывает на место максимум через час после сигнала бедствия, чуть позже – еще несколько, если это необходимо. И только психологи всегда появляются с опозданием. Если вообще появляются. Потому что нас в подразделениях МЧС еще слишком мало.

В последнее время наше ведомство открыто причисляют к силовым. Да оно, собственно, и справедливо. Подготовка наших спецотрядов ничуть не хуже, чем, скажем, в милицеских группах особого назначения или спецвойсках службы безопасности. А то и получше. Просто те специализируются на стандартных ситуациях – захваты заложников, террористы, бомбы, покушения на лидеров, шпионаж и все такое прочее.

А мы всякий раз импровизируем. Потому что действуем именно в ситуациях непредвиденных. В любых – от какого-нибудь цунами до массовых волнений из-за невыдачи зарплаты... И решения принимаем сами на месте, сразу же в момент получения информации. В экстремальных условиях выживает тот, кто принимает правильное решение прежде, чем успевает об этом подумать, интуитивно... А правильное решение может быть только одно – то, которое спасает жизнь.

По правде говоря, первое время я недоумевала – зачем психолог в войсках МЧС? Но очень быстро поняла: это природные катаклизмы возникают и развиваются без всякой, по крайней мере, видимой, логики. А поведение человека во время этих катаклизмов... Оно целиком зависит от его психологических особенностей. И моя помощь попавшему в беду человеку может стать решающей...

Выдергивают меня из Тарасова постоянно, практически каждый месяц. Где я только не побывала за семь лет, пока училась в университете и аспирантуре! Крупнейшая авиакатастрофа в Орли... После той командировки я, раздосадованная языковой немотой в обществе молодых симпатичных французов-спасателей из национального легиона, твердо решила выучить наконец французский. И теперь могу вполне сносно объясняться... Извержение вулкана Кракатау на маленьком островке в Зондском проливе между Явой и Суматрой. Там я впервые поняла, увидела собственными глазами, как человека может парализовать один только вид потока раскаленной лавы. И он идет ей навстречу, не замечая жара, пока волосы не вспых-

нут на голове... Захват заложников в одном из магаданских лагерей... Там, между прочим, от МЧС я была практически одна. До сих пор вспоминаю об этом своем подвиге с содроганием: мне тогда пришлось проникнуться мыслями и чувствами приговоренного к пятнадцати годам убийцы, чтобы уверенно смоделировать его поведение...

Самое обидное, что переполняющими тебя впечатлениями и наблюдениями ни с кем нельзя поделиться. Так хотелось иногда рассказать подругам, что вернулась только что с другой стороны земного шара и вообще чудом осталась жива. Но даже упоминать об этих операциях мне было строго запрещено – давала подписку о неразглашении. Нарушишь – и будешь автоматически уволена, без права когда-либо служить в этой структуре... А я, честно скажу, крепко держалась за свою работу и за зарплату, которую мне платили с первого дня вербовки. Участие в международных спасательных операциях оплачивалось очень высоко, из специального фонда ООН. Потерять такое место из-за болтливости... Это, знаете ли!.. Вот я и молчала... Хотя однажды мне это дорого стоило. Нет, не хочу сейчас вспоминать об этом...

Завербовали меня уже на третьем курсе университета, едва только мой научный руководитель, сам, кстати, бывший эфэсбэшник, как я потом выяснила, выбрал мне чудненькую тему для дипломной работы: «Особенности поведения человека в экстремальных условиях». И вот я уже старший лейтенант, один из немногих в России специалистов по экстремальной психологии.

Не думаю, что единственный, но остальные, похоже, – чистые теоретики...

Иначе стали бы посылать за мной лично наш ведомственный самолет! Лишь для того, чтобы доставить меня из Тарасова на границу Таджикистана с Афганистаном, в район, где только что, два часа назад, произошло сильнейшее землетрясение. Как сообщила наша спецсвязь, в Афганистане почти полностью разрушено несколько городов. А в одном, который находился прямо над эпицентром, вообще не осталось ни одного целого здания – сплошные завалы. Там работала группа врачей из России, вот их-то мы и должны вывезти из района бедствия...

Конечно, тот факт, что за мной прислали целый авиалайнер, несколько смущает. Слишком уж много чести. Или я и впрямь такой уж незаменимый специалист... Короче, лечу вот на юго-восток с весьма туманным представлением о ситуации в районе стихийного бедствия и о том, что мне предстоит делать.

Впрочем, так обычно и бывает.

Только вот в одиночестве я лечу впервые.

Мерзкое, надо сказать, чувство.

Как будто на свидание с Господом Богом летишь. А мне вовсе не хочется с ним встречаться. Мне пока и на земле, в этой жизни, хорошо.

Да и смерти я боюсь ужасно. Мне всего-то двадцать пять. Хочу жить и получать от жизни удовольствие. А для этого, как минимум, вокруг меня должно быть много разных людей. Потому, что любое удовольствие начинается с общения с...

В данный момент пустой салон «Як-42», на борту которого были только я и экипаж, действовал на меня угнетающе. Во мне бродили какие-то смутные подозрения, что спасением врачей дело не ограничится...

И вообще, то, что никого из нашей региональной тарасовской группы больше не вызвали, только меня одну, весьма настораживало.

Ни Александра Васильевича Маслюкова, классного альпиниста, оперативника с десятилетним стажем, клавшего девять выстрелов из десяти в десятку, а ударом кулака способного пробить дверь стандартной квартиры в новостройке, – видела своими глазами. После взрыва в квартире директора крупнейшего в Тарасове супермаркета дядя Саша (его, правда, чаще называли Кавээном, как полного тезку известного телеведущего КВН), отодвинул нас с Игорьком от двери соседней квартиры, из-за которой слышались детские голоса, пробил кулаком дыру в

закрытой двери и открыл замок изнутри. Двух мальчишек тогда еле откачали – взрывом снесло перегородку между квартирами, и они задыхались в дыму...

Ни того же Игорька, неразлучного с дядей Сашей-Кавээном, аналитика от Бога, в доли секунды умеющего просчитывать любую ситуацию и найти единственно возможный выход из безвыходных положений. Если идти за Игорьком след в след, никогда не попадешь ни в какую ловушку...

Но они почему-то остались, а я сижу в пустом салоне, поглядываю в иллюминатор на бесформенные облака под нами и остро чувствую, как мне не хватает сейчас дяди Сашиной иронии и интеллектуальных рассуждений Игорька, который всегда неопровержимыми аргументами обосновывает свой постоянный вывод: как бы сейчас ни было плохо, закончится все обязательно хорошо...

А мне сейчас было плохо и очень не хватало его аргументов. В душе шевелилась неясная и необъяснимая тревога. Может быть, потому что это мое первое самостоятельное задание? И никто не будет меня страховать?

Ровное гудение турбин усыпляло не хуже хорошей колыбельной. И я, как всегда, нашла самый простой выход – заснула, чтобы спрятаться от неприятностей...

Я не всегда запоминаю свои сны, наверное, мне часто снятся не совсем приятные для меня вещи. Ведь, анализируя сон, можно многое понять о себе – и часто такое, от чего проще и легче отвернуться, чем осознать. Вот мое сознание и не разрешает мне помнить некоторые сны. Слишком уж откровенные.

Но этот я помнила очень хорошо. Потому что приснились мне Кавээн с Игорьком, которые явно хотели меня о чем-то предупредить. Только они не говорили об этом прямо, а лишь подталкивали меня к тому, чтобы я сама догадалась. Намекали. Но я не могла понять их туманных намеков и только злилась. Они сидели напротив меня, лицом ко мне, хотя я точно знала, что кресла в салоне расположены по-другому, в затылок друг другу.

Но это мне не казалось странным, это было как-то несущественно.

Важнее было то, что у них были серьезные лица и обиженно поджатые губы. Но обижались они не на меня, а друг на друга.

Оба хотели на мне жениться, и ни один не хотел уступить. Выбирать должна была я, а я выбрать не могла. Я хотела выйти замуж сразу за обоих.

И когда я им это сказала, они сразу же перестали дуться, жутко обрадовались и принялись совершенно по-мальчишески прыгать по салону и раскачивать самолет. Пока не вышел сам командир экипажа, который оказался совершенно седым стариком с большой окладистой бородой, смешными залысинами и очень умными глазами. Он был одет не в летную форму, а в какой-то белый балахон с длинными широкими рукавами, похожий на монашескую рясу. Спереди у него было что-то вроде огромного фартука с одним карманом.

Командир объявил нам, что никакой свадьбы не будет, потому что женихам нужно срочно улетать в командировку. Я, кажется, забилась в истерику, а Кавээн с Игорьком покивали головами и покорно вышли из самолета через дверь салона. В иллюминатор я увидела, как они полетели в обратную сторону, дядя Саша впереди, а Игорек за ним.

«И два-а гу-у-ся...» – с чувством пропела я во сне им вслед, а на глазах у меня выступили слезы.

Командир подошел ко мне, вытер слезы своей бородицей и достал из фартука мятую телеграмму, адресованную лично мне. В телеграмме было то самое сообщение, которое сегодня утром прислали на мой компьютер из Москвы по электронной почте:

«Николаевой. Борт 003. Рейс 10.30. Готовность – первая. Экипировка – полная. Эвакуация медгруппы из района землетрясения. Кайдабад. Степень разрушения – 98 %. Старший группы – генерал-майор Васильев».

Во сне я взглянула на часы и с ужасом заметила, что на них уже 13.30. Я опоздала на три часа! Но странный командир экипажа вдруг стянул с себя дурацкий балахон, снял парик и превратился в молодого пятидесятилетнего красавца, генерал-майора Васильева.

Я принялась ему что-то объяснять, но он жестом остановил меня и вручил какой-то запечатанный конверт. Я хотела тут же его вскрыть, но генерал сказал, что сделать это я должна только после приземления. А потом схватил меня за голову и стал очень сильно сжимать мою голову руками...

Проснулась я от того, что тон гудения турбин изменился и уши начало закладывать.

«Заходим на посадку», – сообразила я. Сон с меня разом слетел. Начиналась работа...

Глава вторая

...Едва я вышла из самолета, как сразу же поняла, что к месту назначения мы еще не прибыли. Никаких гор вокруг не было. Лишь на горизонте невысоким забором темнела какая-то сплошная масса. Командир экипажа перехватил мой вопросительный взгляд:

– В Кайдабаде не осталось ни одной целой полосы. Садиться некуда. С парашютом тебя выбрасывать приказа не было. Здесь аэродром уцелел. Правда, полосы короткие, но ничего, как-нибудь взлетим... А ты отсюда на машине. Всего-то часа полтора...

– А где мы?

– Нижний Пяндж. Таджикистан... Не знаю только, удастся ли тебе здесь найти машину...

– А ты, командир, из-за меня не расстраивайся. Машину не найду, так верблюда какого-нибудь достану... Без транспорта не останусь...

Очень довольный своей шуткой насчет машины и тем, что я ее поняла и поддержала, командир от души рассмеялся. Он наверняка уже сообщил генералу Васильеву, где меня высадил, и вопрос с машиной тоже скорее всего решен. Было командиру всего лет тридцать пять, лицо чисто выбритое, никакой бороды. И черная как смоль шевелюра густая, даже намек на залысины. Ну явно не он мне приснился...

Пока мы с ним посмеивались, вдали на взлетно-посадочную полосу вырулил джип и на полной скорости помчался прямо к нашему самолету. Ошибиться было невозможно, поскольку наш «Як» стоял на территории аэродрома в полном одиночестве. Метров за десять от нас джип резко затормозил, еще метров пять проскрипел, стирая о бетон полосы шины, и остановился почти рядом с нами. Из джипа выскочил человек с погонами капитана войск МЧС и направился ко мне.

– Старший лейтенант Николаева? – закричал он на ходу.

– Так точно, капитан, – ответила я. – А в чем, собственно...

– Приказ генерала Васильева – срочно доставить вас в Кайдабад. Прошу в машину. Нас ждут на границе...

– Эй, капитан, – вмешался командир экипажа. – А может быть, через реку лучше не здесь, а в Кулябе? Там гораздо ближе к Кайдабаду...

– Все мосты на Пяндже разрушены землетрясением. Единственная уцелевшая переправа – здесь... Мы теряем время. Нас ждут, – скороговоркой отработовал капитан.

Подхватив свой компактный рюкзак со спецснаряжением, я прыгнула в джип, и тот рванул с места, не дожидаясь, пока я приземлюсь на сиденье. Я даже не успела заметить, как капитан оказался за рулем.

«Этот человек действует быстрее, чем я поворачиваю голову», – отметила я не без восхищения и скосила глаза на капитана.

На вид ему было лет двадцать пять, как и мне, но скорее всего он решил, что я моложе. Я знаю, что мой вид часто вводит мужчин в заблуждение относительно моего возраста. На меня капитан не посмотрел ни разу после того, как выскочил из джипа. Смотрел он куда-то выше моей головы. Если бы ниже – это еще было бы понятно. Даже когда я в этом комбинезоне, я знала, там, ниже, есть на чем остановить взгляд мужчине. А вот надо мной что он разглядывал?..

Мы пролетели через селение с унылыми постройками без окон, низкими и длинными. Улица была настолько узкой, что, казалось, едешь по какому-то тоннелю между двумя заборами, а не между домами... Неожиданно мелькнуло ну совершенно российское здание, типичное сельпо, на котором я, к своему удовлетворению, успела заметить надпись «Магазин». Машина резко затормозила, и я вписалась лбом в стекло.

– Держаться надо, барышня, – ухмыльнулся капитан, по-прежнему не глядя в мою сторону. – Ты мне все стекла побьешь...

«Наглец! – возмутилась я, обидевшись на стремительного капитана сразу и сильно. – Он еще смеяться надо мной будет!»

– А ты, капитан, не скайся, – вслух отрезала я, потирая ушибленный лоб. – Твои глубокомысленные замечания и неуставное обращение ко мне ясно говорят о том, что я тебе нравлюсь. И нравлюсь сильно. Ты меня хочешь, но боишься, и поэтому защищаешься, хотя на тебя пока еще никто не нападал... Так что оставь свою иронию для жены. Ведь у тебя с нею, кажется...

Я внимательно посмотрела на него. Он заметил и поежился.

– ...проблемы? Особенно в постели...

Это был нокаут.

Мне даже жаль его стало. Он густо покраснел, лицо покрылось мелкими капельками пота, а нижняя челюсть едва заметно задрожала. То ли от злости, то ли расплакаться собирался...

Я была уверена, что попала в «десятку», но это было не так уж и сложно. Такая высокая скорость движений... Это он давал выход избыточной психической энергии, не имея возможности расходовать ее обычным способом – в общении с женщиной.

В чем именно была суть его проблем с женой, я, конечно, вряд ли скажу, какая-либо информация об этом отсутствует. Да и к чему мне это знать? Был бы он моим пациентом, тогда мне пришлось бы ставить диагноз. Пока же достаточно уверенности в том, что это – типичный случай. Просто я знаю, что психическая энергия всегда ищет обходные пути. Это как вода перед плотиной – растекается вширь и в конце концов находит низинку, чтобы двигаться дальше, не стоять на месте. А то ее может накопиться столько, что она в конце концов прорвет плотину, и это будет уже нарушением психики. Такой человек может даже представлять серьезную опасность – и для самого себя, и для тех, кто вокруг...

Но это же хорошо известно любому начинающему психологу. Так что, Оленька, нечего гордиться, что тебе удалось так запросто «расквасить нос» неграмотному в этом отношении капитану.

В чем он, собственно говоря, перед тобой так уж провинился, что ты «кулаками» принялась махать? У тебя тоже, что ли, проблемы с мужиками?..

«Запомни, Оленька, что я тебе сейчас скажу, и больше никогда не забывай! – сказала я самой себе как можно внушительнее. – Оскорбленное самолюбие – это синоним женской неудовлетворенности собой... И явный признак неуверенности в себе. Ты-то что озлобилась? Сомневаешься в своей привлекательности?.. Хороша, нечего сказать!..» У капитана между тем в глазах прорезалась какая-то мысль, а растерянность во взгляде сменилась подозрительностью. Теперь он смотрел мне прямо в глаза, причем с таким внутренним напряжением, будто собирался меня сейчас изнасиловать.

– Ты знаешь мою жену?

Он не столько спрашивал, сколько утверждал. Сам он в это уже поверил, ему нужно было только, чтобы я сей факт подтвердила.

– Ничего я о тебе не знаю, капитан. И знать не хочу... – я устало вздохнула. – У тебя на лбу все написано... А я читать умею.

Он смотрел на меня все еще подозрительно.

– И вообще! – я несколько пренебрежительно взмахнула рукой, словно отмахиваясь от него. – Не надо нагружать меня своими проблемами... С женой сам разбирайся...

Я даже засомневалась – не слишком ли театральным вышел у меня этот жест. Для меня всегда важна была психологическая правдоподобность. Наверное, это что-то вроде заботы о чести мундира...

– Впрочем, могу сказать, раз уж мне пришлось влезть в твои дела, – добавила я несколько даже неожиданно для себя, – тебе с ней нужно расстаться, пока вы друг друга не уничтожили...

Я посмотрела на него сочувственно.

– Пойми одну вещь: женщин много, и все они разные. Очень разные. Ни одна из них не похожа на твою жену. И каждая может тебя полюбить... Да дело даже не в любви.

Я произносила все это и одновременно, с удивлением прислушивалась к собственным словам.

«Кому я это все говорю? Ему? Или себе?..»

– С любой другой женщиной ты сможешь чувствовать себя уверенно. И тебе не придется так суматошно двигаться по жизни...

При этих словах капитан вздрогнул.

– Только сначала разберись с самим собой. У меня сейчас для тебя просто времени нет. Это же так быстро не делается... Это же часами нужно говорить, изо дня в день... У меня приказ, да и у тебя тоже. У нас с тобой есть задание. Люди ждут нашей помощи, а мы тут мозги друг другу крутим, проблемы свои решаем...

Я сознательно не смотрела на него во время этого монолога. У меня не было никакого желания устанавливать с ним особо доверительные отношения, вроде тех, что всегда возникают между психоаналитиком и пациентом.

Поэтому я и старалась по возможности отстраниться от того, что говорю, словно это и не я, а просто он сам понимает...

Но в этот момент я неожиданно разозлилась. Не на капитана, на саму себя. Почему я-то на мужчин постоянно нападаю? Отомстить кому-то хочу?..

«Все, подружка! Стоп! Ни шагу больше в эту сторону, – мысленно дернула я себя за рукав форменного комбинезона, почувствовав, что стою на краю пропасти, дна которой не видно. – А то будешь опять карабкаться вверх по обрыву и снова сдерешь коленки и ногти пообломаешь. А тебе работать нужно. Тебя люди ждут...»

Я пару раз глубоко вздохнула и выдохнула, а затем произнесла медленно, как магическое заклинание, следующую фразу:

«Никакого Сережи никогда не было, нет и больше никогда не будет...»

Я замерла, прислушиваясь к себе. Но ничего толком в себе не поняла и добавила на всякий случай, просто надеясь, что удастся себя убедить:

«Забудь это имя, радость моя... Искренне тебе советую...»

Глава третья

Но забыть я сумела пока что только про капитана. Он тем временем обратил внимание, что я погрузилась в свои, не касающиеся его мысли, сумел успокоиться, взять себя в руки. Минут десять мы ехали молча. Потом джип затормозил, и капитан выпрыгнул из машины.

Через переднее стекло я смотрела, как он бежит к группе пограничников, суевившихся у въезда на узкий мост через реку, пронесаясь по неглубокому ущелью с головокружительной скоростью. Пограничники проверяли документы у таджиков – водителей большегрузных «КамАЗов», выборочно потрошили какие-то коробки и тюки. Таджики все как на подбор были высокие, худые, с усами и в разноцветных круглых тубетейках.

«Помощь пострадавшим от землетрясения везут...» – констатировала я, заостряя внимание на очевидном факте, чтобы отвлечься от своих проблем...

На наш джип никто не обращал внимания. Издалека я видела, как офицер-пограничник отмахнулся от моего капитана, едва взглянув на его документы.

Капитан тут же побежал обратно, запрыгнул в машину, и через минуту мы уже съезжали с каменного моста на афганскую сторону.

– Как тебя зовут, капитан? – успела спросить я, пока мы ехали по мосту.

– Строганов. Андрей, – доложил мне капитан, словно отвечал старшему по званию.

Я мысленно усмехнулась. Похоже, перемирие между нами было заключено. Причем я получила право на некоторую контрибуцию.

С афганскими пограничниками Андрей Строганов не церемонился, лишь махнул рукой какому-то бородачу, поглядывавшему на остальных свысока. Видно было, что капитана здесь видели не впервые и не считали необходимым каждый раз досматривать его машину.

Знали, наверное, что ничего у него не найдут. Другое дело – грузовики с гуманитарной помощью, которые должны были вот-вот переправиться через Пяндж и заодно через границу. Это – лакомый кусочек для местных пограничников...

Я уже начала привыкать к скорости, с которой двигался сам Строганов и, естественно, его машина. Не успела и глазом моргнуть, как мы уже пронеслись по афганской деревушке. Хотя, может быть, у них это называлось городом... не берусь судить.

Сходство афганского селения с таджикским поражало. Словно мы развернулись у моста и поехали обратно. Те же узкие улочки, зажатые низкими, бесконечными то ли заборами, то ли стенами домов, переходящих один в другой. Только вот никакого сельпо на площади перед мостом. Архитектурный стиль на афганской стороне был более выдержанным.

– Слушай, Строганов, – спросила я, – мы границу переехали? Что-то не вижу разницы... Мне кажется, они одинаковые – что Нижний Пяндж, что это вот...

Я кивнула головой за окно машины.

– ...райское местечко.

– А разницы и нет, – усмехнулся Строганов. – Ты права... Что Нижний Пяндж, что Шерхан. Никакой разницы. У каждого второго на этой стороне – родственник на другой стороне реки. По ночам здешние парни на ту сторону к девкам ходят... Да и пуштунов тут раз-два и обчелся. Одни таджики и с той стороны, и с этой...

Он разговорился, и я почувствовала к нему искреннюю симпатию. Нормальный парень, когда не комплексует. Стоило ему забыть, что я – женщина, как и комплексы все куда-то исчезли. Ну что ж, постараюсь не напоминать...

Скажу сразу: больше я его не трогала. Впрочем, и он меня тоже. Теперь капитан болтал без умолку, джип его мчался по извилистой горной дороге с ужасающей иной раз скоростью. Я старалась не смотреть вниз, когда мы на виражах пролетали над обрывом. Но сердце, честно говоря, замирало от страха...

Нам навстречу не попало ни одной души. Никто не ехал из Кайдабада. Мы обогнали за час с десятков грузовиков, затянутых брезентом, и я так и не поняла, что они везут.

В одном месте Андрей неожиданно тормознул, и мы потихоньку перебрались по дощатому настилу через свежую трещину шириной метров пять, расколовшую карниз, по которому вилась дорога. Потом мы долго спускались в небольшую долину и вброд переезжали какую-то мелкую, но очень стремительную речушку.

У каждого колеса с правой стороны вздыбились буруны, меня обдало брызгами, и я завизжала совсем как девчонка. Андрей дико заорал и выжал педаль газа на полную. Джип запрыгал на камнях, как горный козел, поднимая тучи брызг, а мы смеялись и что-то кричали во все горло, совершенно счастливые. Я чувствовала себя десятиклассницей, у которой вся жизнь впереди и нет пока еще никаких особенно болезненных душевных ран...

Джип выскочил на противоположный берег и сразу же заглох. Причем, клянусь, Андрей нарочно мотор не глушил. Двигатель действительно заглох самостоятельно, без его помощи.

Затихли и мы, только поглядывали друг на друга и продолжали улыбаться глазами, оба мокрые от брызг. По его щеке стекали капли воды, словно слезы, и это было смешно, потому что глаза у него были веселые. Смеющиеся, уверенные глаза. Такие глаза были у моих школьных друзей, когда мы вместе убегали с уроков...

Мы оба молчали.

– Ольга... – произнес он мое имя хриплым почему-то голосом.

– Андрей?... – эхом отозвалась я, все еще приятно плавая в своих ретроспективных эмоциях.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла, что наше перемирие нарушено. Причем не мною...

Если он сейчас поднимет руку и дотронется до моей шеи, я просто сломаю эту руку и поведу дальше машину сама. Слава Богу, руки ломать нас на спецзанятиях научили. И машину водить...

Неужели он так и не понял, что со мной ему лучше не связываться? И решил взять реванш? Нельзя же быть таким тупым, в конце концов!

Андрей поднял руку и...

И я его пожалела. Не стала заниматься рукоприкладством. Я была уверена, что справлюсь с ним, поскольку он не ожидал нападения. А мужчина, с которым женщина справилась физически, надолго оказывается выведенным из строя... Стоит ли ломать его и без того слабую психику?... Мне ведь нужно-то всего, чтобы он оставил меня в покое и знал свое место... А по морде – это я и словами могу.

– Андрюша! – сказала я. – Сейчас для тебя самое лучшее – немного помастурбировать... Это поможет снять излишнее психологическое напряжение. Ты же иногда этим занимаешься, правда?... Я минут пять погуляю, чтобы тебя не смущать... Управишься?

Не подозревала, что человек может краснеть так стремительно. Со скоростью взрыва. Я оставила его цепенеть в кабине, а сама выбралась из машины, чтобы немного размять ноги.

Бедняга, он боялся повернуть голову в мою сторону.

«Ну что, мальчик, – подумала я, вполне удовлетворенная его реакцией, – понял теперь, с кем связался?»

Несколько минут я побродила по обочине дороги, поглядывая по сторонам. На душе было наконец-то спокойно. Давно заметила, что в горах гораздо легче найти душевное равновесие, по крайней мере, нам, жителям равнин...

Андрей все-таки догадался вылезти из машины, хотя давно уже надо было заниматься мотором, а не своими сексуально-психологическими проблемами.

– Нас люди ждут... – буркнул он, поднимая капот.

Капитанская стремительность куда-то пропала, он двигался теперь очень, как мне показалось, медленно, и было даже странно смотреть, как он не торопясь поднимает крышку капота, заходит с другой стороны, чтобы взглянуть на двигатель. Словно пленку в замедленном темпе прокручивали. Так же медленно он вынырнул из-под капота, захлопнул его и сел за руль. Долгую минуту сидел молча.

Я тоже сидела молча, отвернувшись от него, потому что на лице у меня была написана безразличность, я это просто чувствовала. А мне не очень хотелось ему это показывать... Пусть поскорее приходит в себя, нам ведь и правда пора ехать.

– Помчались дальше! – скомандовал наконец себе капитан Строганов и с места рванул машину.

Перед глазами у меня опять замелькали обрывы и пропасти. То горизонт зрения сужался до нескольких сантиметров, когда вплотную к окну пролетала мимо какая-нибудь скала, то рывком расширялся до необъятного простора, ограниченного только горным хребтом в нескольких десятках километров от меня, когда джип выскакивал из-за очередной скалы и входил, а вернее, влетал в противоположный поворот на изгибе дороги.

Я не видела нигде следов землетрясения. Трещин на дороге больше не попадалось, только иногда я успевала заметить довольно большие камни, валявшиеся прямо посередине нашего горного «шоссе». Андрей перед ними слегка притормаживал, но, объехав, продолжал гнать с той же скоростью...

Когда мы выскочили из-за очередного крутого поворота, он, подпрыгивая вместе со мной на засыпанной мелкими камнями дороге, крикнул, показав рукой вперед через лобовое стекло:

– Смотри! Это Кайдабад...

Глава четвертая

Впереди лежали развалины.

Среди них бродили странно одетые люди. Я поняла, что землетрясение произошло ночью. И началось оно сразу с толчка баллов в семь. Дома, сложенные в основном из сырцового, необожженного кирпича, не выдержали такого удара и рассыпались. Конечно же, большинство жителей города, не успев выбраться наружу, погибли.

Спаслись только те, кто, не теряя ни секунды, сразу бросились на улицу. Не одеваясь, ничего не собирая с собой, не думая – в чем были. Если спал голым, выскакивал прямо голым. Зато живым. Те, кто пытался одеться, погибали под рушившимися домами. Уцелевшие одевались в то, что могли найти среди развалин.

Местных жителей легко можно было отличить от спасателей, одетых в форму защитного пятнистого цвета. Казалось, что спасателей значительно больше, потому что в отличие от оцепеневших жертв землетрясения они двигались, причем очень энергично. Спасательные работы были начаты, очевидно, с той окраины города, на которую мы и выехали.

Машин было на удивление мало. Глаз охватывал довольно большой участок разрушенного города, и на нем я насчитала всего пять бульдозеров, разравнивающих уже обследованные завалы, и три малогабаритных экскаватора с очень большими ковшами... Мне уже приходилось видеть такие в Орли, когда там расчищали стоянку автобусов, на которую упал один из трех столкнувшихся в воздухе самолетов. В ковше такого экскаватора запросто умещалась половина искореженного двухэтажного автобуса. По частым взмахам этих огромных ковшей из серебристого, легкого, но чрезвычайно твердого сплава я поняла, что работа идет полным ходом. Ближайший экскаватор был хорошо виден... Несколько спасателей обследовали очередной завал и знаками показывали издалека экскаваторщику, сколько, какой толщины слой снять сверху и на каком участке... Иногда это были всего несколько сантиметров, и ковш поднимался практически пустой. Но я знала, что по-другому работать нельзя – запрещает здравый смысл. К тому же существуют международные требования к спасательным работам, согласно которым технику применять нельзя, пока нет уверенности, что из завала вытащили не только всех живых, но и все трупы... «С уважения к мертвым начинается уважение к живым!» – вспомнила я один из лозунгов Кодекса спасательской чести, придуманного еще старой гвардией, первыми, сейчас занявшими почти все руководящие места в министерстве...

На завалах, где экскаватора не было, расчистка шла гораздо медленнее. Ребятам приходилось вручную, лебедками, ломami поднимать камни, балки, огромные сцементированные глыбы кирпичей. То и дело кто-то из них поднимал вверх руки, подавая сигнал, что в завале обнаружен человек. Живой или мертвый – это чаще всего невозможно сразу определить, пока тело не будет извлечено из-под обломков дома.

За те несколько минут, что наш джип стоял неподвижно, я успела заметить, как раненых на носилках бегом относят к стоявшему на расчищенной от обломков площадке большому транспортному вертолету...

Спасатели работали группами по шесть-восемь человек, у некоторых групп были собаки, специально обученные поиску в завалах пострадавших. Группы обследовали развалины одного дома за другим и медленно, очень медленно продвигались на север, к центру города...

Наш все еще работающий мотор, шум винтов готовящегося взлетать вертолета заглушали остальные звуки. Но было видно, что сидящие кое-где на развалинах женщины с закутанными какими-то тряпками головами, некоторые – в парандже, раскачиваются взад-вперед и, очевидно, плачут, причитают или даже кричат.

Они были совсем не похожи на тех пуштунок, которых я видела однажды в афганской деревне в районе Герата... Год примерно назад, когда участвовала в поисках туркменской

археологической экспедиции, пропавшей на перекрестке трех границ в межхребетье Копетдага и Сафедкоха. Археологи искали древний город, расположенный, по преданию, у истоков Герируда, и умудрились на пятьдесят километров углубиться на иранскую территорию, тогда как мы начали поиски с афганской... В моем личном деле в графе «территории, на которых работала» теперь наверняка среди прочих значится Афганистан... Хотя вся работа продолжалась тогда часов десять-двенадцать... Может быть, еще и поэтому сюда послали именно меня?..

Чернобородые афганские мужчины сидели на развалинах молча, уставившись в одну точку, и не помогали спасателям раскапывать свои бывшие дома. Странно было видеть у каждого из них головной убор, хотя многие были без традиционных халатов и длинных хлопчатобумажных покрывал, заменяющих верхнюю одежду, – этих шולי. Некоторые даже – без рубашек. На головах у всех или тюбетейки, или какой-нибудь войлочный колпак, или люнги – так (это я еще в тот раз узнала) называется у них пятиметровая белая чалма. Наверное, это было чем-то настолько традиционным, ритуальным, что уцелевшие заботились прежде всего не о том, чтобы было прикрыто тело, а лишь о том, чтобы покрыты головы. Аллах, что ли, запрещал им ходить с непокрытыми головами?..

Неподалеку работал экскаватор, разгребавший особенно высокий завал. Около него стояли два джипа, таких же, как наш...

– Вон он, – кивнул в их сторону Строганов.

– Кто? – не поняла я.

– Васильев, – пояснил капитан, – местный главнокомандующий российскими спасателями... Ему ты должна доложиться.

Наш джип тронулся с места и начал осторожно пробираться по заваленной обломками улице ближе к экскаватору. Вертолет в это время, поднимая тучи пыли, медленно поднялся в воздух и пролетел над нашими головами куда-то на юго-восток.

– Куда вывозят раненых?

– В Кабульский госпиталь. Там было всего три балла. Разрушений нет, только стекла в окнах дребезжали...

Наш джип затормозил метрах в пяти от вышедшего нам навстречу офицера в российской форме. Очевидно, это и был генерал-майор Васильев.

Я проворно выскочила из машины и бегом направилась к нему – сама атмосфера вокруг не позволяла двигаться в другом темпе.

Офицер и впрямь оказался в звании генерал-майора. Замерев перед ним по стойке «смирно», я четко, как бравый солдат, отбарабанила рапорт:

– Старший лейтенант Николаева по приказу из центра прибыла в ваше...

– Отставить, – оборвал он меня. – Пройдите в мою машину...

Я села в бронированный джип, оборудованный бортовым компьютером, – наверное, это был командный пункт. Мне прежде не приходилось общаться с первыми лицами на территориях бедствия – всегда был начальник группы, который сам обо всем докладывал, сам получал приказы и инструкции, сам ставил передо мной задачу.

И вот я сама себе начальник...

Джип генерала оказался разделенным внутри прозрачной перегородкой, отделявшей передние два сиденья от остального салона. Сзади сидел дежурный оператор и отслеживал по компьютеру оперативную обстановку в районе бедствия, в том числе и сейсмологическую.

Васильев кивнул мне на место пассажира впереди, сам сел на место водителя. Секунд тридцать он молчал, очевидно, сосредотачиваясь. Потом взглянул на меня. Во взгляде его я не сумела прочесть абсолютно ничего. Совершенно отстраненный взгляд. Такие обычно направляют на неодушевленные предметы. Ну, возможно, еще – на трупы. Я чуть плечами не передернула от этого взгляда... Я, знаете ли, жива еще, что ж на меня так смотреть-то!..

– Документы! – голос у Васильева был равнодушный, но жесткий, не предполагающий никаких возражений по поводу того, что он говорит.

Я вручила ему удостоверение и дискету с шифрограммой из московского центра.

На ней было несколько файлов, из которых прочитать я смогла только один, адресованный лично мне. Его шифр мне был известен. Знать о содержании остальных мне было не положено. Согласно должностной инструкции, правом на эту информацию обладал только непосредственный руководитель спасательных работ на месте бедствия.

Полагаю, что в этих файлах содержалась исчерпывающая информация обо мне и поставленной передо мной задаче. Я ведь пыталась все это прочитать, когда получила приказ из Москвы, но у меня ничего не вышло... Хотя, конечно, до классного дешифровальщика мне далеко.

Васильев внимательно изучил мое удостоверение и вернул его мне. С этим, по крайней мере, у меня все в порядке. Я, слава Аллаху, не шпион, не диверсант и не самозванец какой-нибудь, жаждущий приключений.

«Зато теперь я сама к себе могу относиться без всякой опаски, – подумала я раздраженно. – А то, чем черт не шутит, вдруг мне уже и самой себе ни в чем нельзя доверять?»

Васильев между тем включил небольшой дисплей, расположенный перед водителем на передней панели с правой стороны от рулевой колонки, ввел мою дискету и, словно забыв обо мне, погрузился в чтение моих представительских инструкций. На это ему хватило ровно минуты. Но когда он заговорил, тон у него был уже другой. Я, по крайней мере, получила право на фамилию.

– Значит, так. Ты, Николаева, в таких делах человек новый. Поэтому полностью задание знать тебе пока не положено. В ситуацию я тебя введу, задачу на первом этапе поставлю. Дальше будешь действовать по обстоятельствам. Когда до второго этапа доберешься, сама все поймешь. А не доберешься – значит, и понимать не надо было...

Честно говоря, такой вводный инструктаж меня несколько озадачил. Ну и задание – «Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что!...» Нельзя ли поконкретнее? И потом, что это за намеки – «если не доберешься?..» Веселенькое начало, нечего сказать!

Генерал, очевидно, чувствовал двусмысленность своих слов, и прозвучавшая в его фразах неопределенность смущала и его. Но, наверное, он вынужден был говорить неопределенно. Единственное, что он должен был сделать в любом случае – обрисовать мне ситуацию в Кайдабаде и сформулировать первоначальную задачу. К чему он незамедлительно и приступил.

– Толчок силой семь баллов произошел двенадцать часов назад. Никакого предупреждения не было. В городе уцелело одно здание – мечеть, построенная в шестнадцатом веке. Почему не развалилась, совершенно непонятно. Возможно, под ней существует локальная песчаная подушка. Все остальные здания разрушены. Толчок пришелся на ночное время, поэтому жертв очень много. В Кайдабаде по переписи, проведенной пять лет назад, проживало около шестидесяти тысяч человек. Нашей группой эвакуировано триста пятьдесят раненых, обнаружено полторы тысячи трупов. Порядка пяти тысяч человек успели выбежать из домов или выбрались из завалов самостоятельно. Их мы пока не вывозим – вон они сидят на развалинах, ждут, когда освободится транспорт. Да они и уходить-то со своих развалин никуда не хотят... Тебя это, собственно говоря, не касается... Теперь слушай внимательно и не говори, что не слышала...

Васильев посмотрел на меня строго, словно сомневаясь, что я последую его совету.

– В Кайдабаде сейчас работают уже три группы спасателей, направленных сюда в соответствии с соглашением ООН по спасательным работам, – наша, американцы и французы. Возможно, прилетят еще аргентинцы. У них очень сильная, опытная команда спасателей, но слабая дипломатическая служба. А политическая ситуация здесь очень сложная... Город пока поделен на три зоны. Каждая из национальных групп работает в своей зоне, хотя четких границ между ними, конечно, нет, и мы осуществляем активные контакты между группами. Идиот-

ское, кстати, правило, но на нем настояла местная власть. Обычно международная служба спасения ООН присылает объединенную интернациональную команду... Впрочем, это ты, наверное, сама знаешь... Но здесь сейчас – все шиворот-навыворот-набекрень... На территории нашей зоны твоих врачей...

Произнося это слово, Васильев покосился на меня и почему-то хмыкнул.

– ...пока не обнаружено. По оперативным данным, скорее всего они должны находиться на территории, где работают американцы...

Генерал сделал небольшую паузу и вздохнул, прежде чем продолжить.

– Теперь – твоя задача... Из российской медицинской миссии в Кайдабаде тебя, собственно, должен интересоваться только один человек – Судаков Алексей Вениаминович, хирург, он же руководитель миссии. Ему пятьдесят четыре года, очень высокий, худой, лысый. Фотографии его у меня нет, но его ни с кем не спутаешь. Больше двух метров роста и абсолютно лысая голова – редкое сочетание, никаких особых примет не надо... Найдешь и... Ну, словом, сможешь ему выбраться... Теперь слушай внимательно...

Я мысленно пожала плечами. Как этот генерал себе представляет – можно невнимательно слушать формулировку задачи? Или это с его стороны такой неуклюжий намек? На что?..

– ...Очень важно не только найти его, – медленно, чуть ли не по слогам продолжал генерал, – но и оценить его поведение с точки зрения психологической достоверности...

Он сделал паузу.

– Ты меня хорошо расслышала, Николаева? В крайних случаях решение принимай самостоятельно... Это, собственно, и есть твоя задача... Остальное сообразишь сама. Все тебе ясно, старший лейтенант?

«Издевается, что ли?» – подумала я с иронией, впрочем, так и не разобравшись, в чей адрес я ее направляю... Судя по всему – в свой. Хотя кое-что я уже успела сообразить. Недавно же генерал так аляповато подчеркивал слова «психологическая достоверность»... Значит, я должна оценить, насколько этот человек лжет, насколько естественны его психологические реакции. А делается это в единственном случае – когда хотят выяснить, не ведет ли он двойную игру?.. Значит, Судаков – агент. Хотя я и не знаю, которой именно из российских структур... И меня, значит, посылают выяснить – не перевербован ли он? Только я не понимаю, почему бы этой структуре самой не заняться проверкой своего агента?..

– Тумана много, товарищ генерал, – ответила я откровенно то, что думала. – Как бы не споткнуться в тумане-то и голову не расшибить...

Васильев помотал головой.

– Ничего больше этого говорить не могу. Не имею права... Разбирайся сама...

– Значит, так. – Потом, после минутной паузы, распорядился: – К американцам отвезу тебя сам. Представлю Уэйнкрафту. Он у них за главного. Работать будешь с тем, кого он тебе покажет. Самостоятельно американцы на своей территории работать не дадут, обязательно своего человека приставят... Но сначала поедem к французам. Это ребята простые, из национального легиона, с ними у нас и отношения попроще сложились. Без особого этикета обходимся... Теперь последнее... У меня тут пока всего шестьдесят человек. Все заняты, ни на минуту ни одного выделить не могу. Поэтому работать будешь одна... Особая сложность – отношения с местной властью...

Тут генерал вздохнул. Тяжелый получился у него вздох, искренний.

– Район Кайдабада контролируют отряды движения «Талибан». Отношение к нам открыто враждебное. Ахмед-Кхель русских терпеть не может. Это командира их так зовут... Джихад он нам пока не объявил, но дело к тому идет. Пока мы спасаем людей – не провоцируют... Но действия наши жестко контролируют и ограничивают район передвижений. Поэтому – никаких конфликтов, никаких стычек. Иначе тебе просто горло перережут. Они тут мастера с кинжалами управляться... Твоя задача – вытащить отсюда Судакова... Он нам

нужен... Французов талибы тоже не любят. А вот Уэйнкрафт с ними как-то договорился. Так что без него у тебя все равно ничего не получится... Ты должна с ним подружиться. Это, кстати, тоже одна из причин, почему выбрали именно тебя. Ты женщина, молода, и внешность у тебя... более чем...

Я с удивлением прислушивалась к его словам. Все это он говорил совершенно отстраненно, как будто сам – и не мужчина вовсе. У меня еще раз мелькнуло ощущение, что я – какой-то неодушевленный предмет. По крайней мере – в его глазах...

– Теперь, кажется, все... Единственное, о чем прошу – помни: с талибами нужно быть вдвойне осторожной. Хитрые и жестокие, как все азиаты... И что у них там за отношения с этим мистером У – еще разобраться нужно. Не нравится мне их дружба...

Васильев включил зажигание, но с места не тронулся, а постучал в прозрачную перегородку, отделявшую нас от оператора за компьютером. Тот отвел глаза от экрана монитора и вопросительно посмотрел на генерала.

Тот щелкнул каким-то тумблером и спросил по внутренней связи:

– По прогнозу есть что-нибудь новенькое?

Дежурный оператор опять уставился на экран и принялся докладывать:

– Среднесрочный метеопрогноз благоприятный. Ближайшие двадцать часов – без осадков, ветер с юго-запада пять-восемь метров в секунду, температура от десяти градусов ночью до двадцати девяти – днем. Радиационный фон – в пределах нормы. Загазованность отсутствует. Пожароопасность – низкая. Сведений о складах отравляющих веществ не поступало. Пожар на бензохранилище французами потушен сорок минут назад... Сообщений о других складах горюче-смазочных веществ нет...

– Достаточно, – прервал его Васильев. – И так все ясно...

– Василий Кузьмич, – не унимался оператор, – поступила новая информация по сейсмологическому прогнозу на ближайшие сутки...

Генерал поморщился на неуставное обращение к себе, но замечания не сделал.

– Ну?

– Сейсмостанции в Кабуле, Дели и Равалпинди сообщили свои оценки вероятности повторного толчка. Эпицентр – в ста километрах юго-восточнее нас. Афганская станция дает вероятность сорок процентов, индийская – семьдесят, пакистанская – семьдесят пять...

– Душанбе? – отрывисто и как-то сердито спросил Васильев.

– По прогнозу таджикской станции вероятность повторных толчков почти нулевая...

– Идиоты... – процедил генерал сквозь зубы. – Дела хреновые. Сто километров – это слишком близко. Кого не успеем откопать – совсем похоронит... Первый толчок сопровождался образованием трещин и провалов. Очевидцы рассказывают – дома целиком под землей исчезали... Обстановка ясна?

Это он уже меня спрашивал. Я кивнула.

– Тогда едем. – Джип тронулся с места.

Я обратила внимание, что в отличие от капитана Строганова генерал Васильев водил машину очень сдержанно, осторожно, можно даже сказать – бережно... Словно это не командир спасателей вел машину, а переводил через дорогу слепую старушку советский пионер из стихов любимого писателя генералова детства Сергея Михалкова...

Глава пятая

– Ради бога, Поль, давай по-русски! – первое, что сказал Васильев, когда прямо в высокий бампер нашего джипа уперлись гусеницы бронированного вездехода, а из верхнего его люка выпрыгнул на броню молодой черноволосый парень и, улыбаясь до ушей, что-то возбужденно затараторил по-французски.

Он говорил так быстро, что я не успела разобрать ни одного слова, мой французский оказался годным на то, чтобы на нем объясняться, а не общаться... Васильев, видимо, тоже не был готов разговаривать на чужом языке с такой скоростью.

Француз легко спрыгнул на камни со своего вездехода и подошел к нашему джипу. Он хотел что-то сказать генералу, но, увидев меня, неожиданно для нас заявил на довольно разборчивом русском, медленно выговаривая непослушные слова:

– Я русский язык учил только тогда, когда такие девушки в стране советской есть...

Он был кудряв и до неприличия симпатичен. Мне он сразу же напомнил кого-то из довольно известных советских артистов, часто в свое время изображавших в кино суперменов западноевропейского разлива... Несколько секунд я помучилась, вспоминая, а потом бросила это занятие, не видя в нем никакого смысла...

– Оставь, Поль, – проворчал Васильев. – Она не столько девушка, сколько старший лейтенант... Мы к тебе по делу.

– Дел всегда много, – возразил француз, – а девушка всегда одна. Если бы мы в Париже занимались только делами, французы давно бы кончили...

– Извините, Поль, – вмешалась я, – вы, наверное, хотели сказать – «кончились», «перевелись»? Русский язык слишком многозначен, чтобы обращаться с ним так неосторожно...

– Уи, мадемуазель, – улыбнулся Поль, – я хотел говорить: откуда тогда берутся маленькие французики? Вы научите меня правильно говорить по-русски? Вместе с генерал Васильев мы можем говорить только о делах... О скучных мужских делах...

– С ней тебе тоже прежде всего о делах придется говорить, – заявил генерал, отодвигая его от меня и беря за локоть.

– Этот неисправимый ловелас, – обратился он ко мне, представляя Поля, – старший волонтер французского отряда, второе лицо после командира. А сейчас – вообще первое. Их командир срочно улетел в Кабул, встречать пополнение... А эта симпатичная девчушка...

«Ну, генерал, ну, козел старый! – молча возмутилась я, – Какая я тебе девчушка! Сам ты – чушка! Нашел же слово идиотское...»

– ...с сегодняшнего дня – мой заместитель, старший лейтенант Ольга Николаева...

– Капитан Строганов? – забеспокоился Поль. – Он жив?

– Жив, жив, что ему сделается... – проворчал Васильев. – Она – заместитель совсем по другим делам...

– О, уи, я понимаю... – закивал Поль, с уважением глядя на меня. – Жаль, наш устав не дает мне в заместители женщину...

– Да ничего ты не понимаешь, француз стоялый! – разозлился Васильев, слегка покраснев. – Это совсем не то, что ты подумал.

– Не то? – Француз был явно обескуражен этими словами и смотрел на меня с недоумением. – Почему не то?

– Позвольте мне, Василий Кузьмич? – решила я влезть в их разговор. – Мне кажется, что он вам нарочно мозги морочит...

Генерал досадливо махнул рукой и отвернулся. Как можно трепаться, когда кругом – такая работа, кругом – ждущие помощи люди... А тут флирт какой-то! Что за человек этот Поль! Вечно у него на уме одно и то же! Бабы, бабы и еще раз бабы!..

– Поль, я бы с удовольствием взялась помогать вам совершенствовать ваш русский язык, – сказала я, глядя в смеющиеся, откровенные глаза француза. – Но прежде мне нужно сделать одно небольшое дельце, ради которого меня, собственно, сюда и прислали... А вы могли бы мне в этом помочь...

– Уи, мадемуазель, я всегда готов помочь ваше дельце...

У меня почему-то складывалось впечатление, что Поль чуть ли не специально коверкает русские фразы. И научить его говорить по-русски правильно не составит большого труда... В принципе я совсем не против немного поучительствовать. Терпеть не могу профессию педагога, но в данном случае она выглядела для меня привлекательно.

– Тогда скажите, Поль, ваши люди ничего не докладывали вам о группе русских врачей, которые работали здесь, в Кайдабаде...

– Да, Поль, мы не можем разыскать свою медицинскую миссию, – не выдержал Васильев собственного молчания в ответственный момент. – У меня к тебе просьба. Старший лейтенант...

Он кивнул в мою сторону.

– ...будет лично заниматься их поисками. База миссии располагалась в вашей зоне, сам понимаешь – придется ей полазить тут у вас...

Поль принял вполне серьезный вид, поняв, что перешли наконец к делу. Он достал из планшета подробную карту Кайдабада, разложил ее на горячем капоте джипа, обвел пальцем границы своей зоны.

– Где? – спросил он.

Васильев взгляделся в карту.

– Вот, – ткнул он в точку на окраине города. – Рядом с бензохранилищем...

Поль покачал головой.

– От-вра-ти-тель-но! – с трудом выговорил он. – В этом районе все сгорело совсем. Там... залило бензином, когда лопнули емкости в хранилище. Там нет ни одного живого человека.

Он поджал губы, с явно выраженным сомнением покачал головой.

– И не было...

Я расстроилась. Ну вот – начинается мое задание с первой неудачи! Тот, кого мне поручили разыскать, скорее всего погиб! Какого, спрашивается, черта я прилетела?! Без меня, что ли, не справились бы?

«Давай-ка, дорогая моя, без истерики! – одернула я себя. – Во-первых, если бы их нашли французы, они тотчас же известили бы Васильева... Во-вторых, если бы все было так просто – спросил у французов, забрал живых и погибших, быстро и бодро отгапторговал, что задание выполнено... Всего и дел-то! Наверное, не стали бы меня из Тарасова выдергивать, спецрейс за мной посылать, если бы это было так просто. Поручили бы капитану Строганову, и никаких проблем... Проблемы, наверное, все же есть, просто я еще не врубилась».

Васильев поскреб небритый подбородок и пробормотал задумчиво:

– Я, собственно, на это и надеялся... На то, что у них был шанс остаться в живых... Вполне возможно, что все они находились в этот момент в больнице, а это уже на американской территории. Слушай, Поль, а от талибов ты ничего не слышал о наших людях? Может быть, у них тут стычка какая-то была, еще до землетрясения? Ничего нет от ваших оперативников?

Поль медленно покачал головой. На лице у него была не меньшая озабоченность, чем у Васильева. Он посмотрел на меня.

– Вы можете учитывать мою помощь, мадемуазель... – сказал он, обращаясь ко мне, но тут же поправился. – Пардон, старший лейтенант...

– Рассчитывать, Поль, а не учитывать, – поправила я его. – Правильно нужно говорить – «рассчитывать». И я уже на нее рассчитываю...

– Ладно, – решительно заявил Васильев и повернулся к джипу с явным намерением тронуться дальше. – Сейчас едем на базу к американцам. Послушаем, что скажет мистер Уэйнкрафт...

– О, мистер У! – оживился Поль. – Я хочу видеть мистер У. У нас есть маленькая проблема... Он дал интервью агентству Рейтер. Я хотел бы знать, почему в этом интервью нет ни слова об отряде из Франции? И о вас, из России – тоже...

– Вот и хорошо, – Васильев явно обрадовался попутчику. – Поехали вместе. А то мистера У не особенно радуют мои визиты к нему...

Поль галантным жестом предложил мне залезть в его броневик, но я решительно замотала головой. Джип Васильева меня гораздо больше устраивал. Француз сделал огорченное лицо и предложил нам с Васильевым тронуться первыми – он, мол, не может себе позволить такое неуважение к женщине, как ехать впереди нее... Васильев поморщился на его слова, но не возразил.

Пока мы опять пробирались через весь город к базе американцев, я наблюдала из окна машины, как повсюду копошатся люди в защитной форме спасателей, в ярко-красных шлемах, растаскивая, разгребая кирпичи, из которых были сложены рухнувшие дома.

Одни вытаскивали из-под обломков окровавленные, изуродованные тела и бегали к медпунктам с носилками, другие с такими же носилками спокойно шли к расчищенным от камней и обломков площадкам, чтобы сгрузить свою бездыханную ношу в импровизированном морге под открытым небом.

Пока мы медленно проезжали мимо одной из таких площадок, я успела рассмотреть бесконечные ряды тел, лежащих прямо на земле. Над некоторыми из трупов сидели местные женщины, то застыв неподвижно, то раскачиваясь из стороны в сторону. Плакали ли они, не было слышно, но картина и без того была достаточно жуткая, чтобы у меня перехватило дыхание... Ряды человеческих тел, лежащих ногами в одну сторону, сами по себе были достаточно красноречивой картиной разыгравшейся здесь трагедии...

Как странно, что еще четыре часа назад я спокойно сидела у себя в кабинете и обдумывала, что подарить Кавээнэ на приближающийся день рождения...

А может, это и хорошо, что я теперь одна, без страховки, решила я в конце концов. По крайней мере, не будет ни времени, ни возможности, ни сил и, я надеюсь, желания копаться в своих воспоминаниях и расковыривать душевные болячки...

И раз уж я решила забыть Сергея, значит, я его забуду...

А сейчас мне предстоит встреча с командиром американских спасателей Уэйнкрафтом, или мистером У, как его называют Васильев и Поль. И от того, насколько я сумею понять этого человека и установить с ним контакт, во многом зависит и успех моего задания. А если допустить, что Васильев не слишком преувеличивал, рассказывая мне о здешней обстановке, то задание мне предстоит не только сложное, но и опасное.

И не просто опасное – я вспомнила, какое у Васильева было напряженное и сосредоточенное лицо, когда он рассказывал мне о талибах, и поняла – смертельно опасное.

Я ощущала себя ограниченным контингентом российских войск, введенных на территорию Афганистана «по просьбе его правительства».

«Прекрати свои дурацкие шуточки и идиотские аналогии! А то досравниваешься! У тебя есть задание? Вот и давай, Оленька, дерзай!» – напутствовала я себя, вылезая из джипа вслед за генералом, когда мы пробрались по улице, кое-как расчищенной бульдозером, на другой конец города, в американскую зону.

Глава шестая

Командный пункт мистера У располагался не в машине, как у Васильева, а прямо на одной из расчищенных площадей Кайдабада, в палатке, где был развернут стандартный ротный командный модуль.

Модуль в палатке годился, собственно говоря, только для передачи и приема данных, и американцы им не особенно дорожили. Ну, пусть даже и тряхнет его, так что он развалится на части, пусть хоть в трещину провалится. Им через полчаса сбросят на парашюте точно такой же. А самолет с главным командным пунктом, подключенным ко всем ведомственным и общедо-федеральным каталогам и архивам и обладающим мгновенным быстродействием, постоянно кружит над районом бедствия, отслеживая оперативную обстановку... Американцы решили не рисковать этим дорожным оборудованием: по оперативному наземному можно с ним мгновенно связаться...

Все это рассказал генерал Васильев, пока мы шли от своего джипа к палатке командира американских спасателей...

– Хелло, мистер У! – я поразилась широкой, чисто американской улыбке, неизвестно откуда возникшей на иссушенном нашими российскими проблемами и постоянно хмуром лице Васильева.

Вышедший из палатки нам навстречу сухой поджарый человек лет сорока пяти в форме американских спасателей ответил ему точно такой же приветливой, но совершенно безжизненной улыбкой.

– Хелло, миста Василеф, – он безбожно коверкал русские слова и разбавлял их английскими. – Мы говорить инглиш ор рашен?

– О нет, нет, только не по-русски, – ответил Васильев на вполне сносном английском. – Я не могу упустить возможность попрактиковаться в разговорном языке... Вы, мистер У, меня очень обяжете, если согласитесь беседовать со мной на вашем родном языке...

«Да ты, однако, дипломат, генерал, – подумала я о Васильеве. – Если бы он начал говорить по-русски, мы бы с тобой, пожалуй, ни одной фразы этого престарелого красавца до конца не разобрали бы...»

Что касается меня, то я довольно неплохо говорю по-английски, правда, с ужасным, надо полагать, акцентом. Поскольку ни в университете, ни на сборах в спецлагере, где каждый день начинался с того, что нам объявляли, на каком языке мы должны будем весь день общаться, произношение нам никто не ставил. Главным было умение объясниться, а не правильность речи и не произношение. Не знаю, как японцы и арабы, в их реакции я не могу быть уверена, поскольку этими языками владею в слишком уж ограниченных пределах, но англичане-то с американцами всегда меня понимали. Хотя порой морщились и улыбались иронически.

Вылезший из своего броневика Поль пока помалкивал, тоже улыбаясь дежурной улыбкой. Васильев и Поль обменялись с американцем рукопожатиями. Настало время представлять мистера У меня.

– Знакомтесь, Уэйнкрафт, – Васильев указал на меня сдержанным деловым жестом. – Эмиссар нашего представительства в ООН Ольга Николаева, специалист по экстремальной психологии.

Уэйнкрафт с интересом взглянул на меня и пожал руку. Я заметила, что сейчас Васильев представил меня совсем в другом свете, в другом статусе, чем французу. Видимо, у него были какие-то соображения на этот счет.

– Вынуждены прибегнуть к вашей помощи, мистер У, – продолжил Васильев. – В Кайдабаде пропали наши люди, трое врачей из международной медицинской миссии. К сожалению, ни у нас, ни во французской зоне их пока обнаружить не удалось...

– Господин Ренье тоже ищет русских врачей? – мистер У прищурился на Поля. – Или он сопровождает даму? Агентство Рейтер спрашивало у меня недавно, что я думаю о работе французских спасателей. Я взял на себя смелость заявить, что спасатели из Парижа слишком заняты сейчас пожаром на нефтехранилище и что господин Ренье вряд ли найдет время для общения с корреспондентом... Возможно, я ошибся. У господина Поля, вероятно, есть свои соображения, чем ему заниматься в первую очередь – тушить разлившийся бензин или сопровождать эмиссаров из ООН...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.